

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ХОДЕ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ПО НОВЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются актуальные вопросы исполнения решений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) при пересмотре уголовных дел по новым обстоятельствам. Приводятся обзор процессуальных моделей данной формы пересмотра окончательных судебных актов в зарубежных правовых системах, а также авторская классификация условий такого пересмотра в уголовном судопроизводстве РФ, выделяющая содержательные и формальные условия отмены или изменения вступивших в законную силу судебных решений. Исследуется феномен правовых позиций ЕСПЧ в качестве особой разновидности новых обстоятельств для пересмотра промежуточных и окончательных судебных решений в российской юрисдикции, на основе анализа практики Верховного Суда РФ выделяются проблемы эффективного исполнения решений ЕСПЧ при пересмотре дел по новым обстоятельствам, включая эффект «нуллификации правовых позиций» ЕСПЧ со стороны российских судебных инстанций. Причина данного явления может заключаться как в отсутствии качественных переводов решений ЕСПЧ, так и в искаженном понимании отечественным правоприменителем сути доктрины «margin of appreciation», предоставляющей ему известную свободу усмотрения при оценке применимых способов исполнения решений ЕСПЧ. Предлагаются изменения закона, направленные на совершенствование процессуальной практики применения решений ЕСПЧ в российском уголовном судопроизводстве, в том числе за счет внедрения положений, создающих правовую основу для участия заинтересованных лиц в процедуре рассмотрения Президиумом Верховного Суда РФ вопроса о необходимости пересмотра приговора.

Ключевые слова: новые обстоятельства, ЕСПЧ, пересмотр, окончательное судебное решение, правовые позиции, нуллификация, справедливое судебное разбирательство, нарушение, уголовное дело, толкование.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018. 139.6.082-091

Вопросы интеграции Российской Федерации в сферу действия универсальных и региональных международных договоров по правам

человека, а также вызванная этим необходимость парадигмальных изменений в правовом регулировании публично-правовых (в том чис-

© Осипов А. Л., 2018

* Осипов Артем Леонидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
osipov1280@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ле уголовно-процессуальных) отношений отличаются непреходящей актуальностью в связи с тем, что результаты этих процессов определяют уровень реальной защищенности прав и свобод человека в государстве. Заметное влияние на систему уголовно-процессуального регулирования за два прошедших десятилетия оказало присоединение Российской Федерации к европейской системе защиты прав и свобод человека путем ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (далее — Конвенция) и признания нашей страной *ipso facto* юрисдикции ЕСПЧ по вопросам применения данной Конвенции и Протоколов к ней. Гармонизация внутригосударственных правовых норм с положениями Конвенции не решила, однако, многих ключевых проблем, связанных с определением правового положения личности и гарантий защиты ее законных интересов в публичных видах судопроизводства. В первом приближении причины такого положения вещей связаны с инерцией правоприменения, построенного на преемственности процессуального опыта постсоветской квазисостязательной парадигмы, а также со сложностью восприятия нового для сознания российских правоприменителей феномена прецедентных решений ЕСПЧ. Заметное влияние на эффективность и темпы имплементации правовых позиций ЕСПЧ оказывают контекст внешнеполитической ситуации и связанная с ним напряженность во взаимоотношениях России и Совета Европы, что привело к наделению Конституционного Суда РФ правом признавать отдельные решения ЕСПЧ неисполнимыми в Российской Федерации.

На фоне всего перечисленного попытки отечественного законодателя определить правовой статус постановлений ЕСПЧ в российской правовой системе не были достаточно последовательны как на концептуальном уровне, так и в юридико-технической плоскости. Ситуация осложнялась постоянным и довольно динамичным развитием практики самого ЕСПЧ, который, сохраняя приверженность доктрине «margin of appreciation», развивал потенциал своего эффективного воздействия на страны — нарушительницы Конвенции путем выработки так называемых пилотных решений, обобщения своих правовых позиций в наиболее

устойчивые формы прецедентной практики под названием «WECL», расширял применение усеченных составов своих судебных формаций (от 3 до 1 судьи) в целях ускорения процесса рассмотрения обращений. Эволютивное развитие практики ЕСПЧ потребовало укрепления принципа субсидиарности конвенционной защиты и инициирования процедуры ратификации Протокола № 16 к Конвенции, наиболее заметным новшеством которого является право высших национальных судебных инстанций запрашивать у ЕСПЧ консультативные заключения по вопросам толкования и применения конвенционных норм.

Проблема эффективности диалога между ЕСПЧ и системой российского уголовного судопроизводства стоит достаточно остро для такого сегмента этой системы, как пересмотр окончательных судебных решений по новым обстоятельствам. В российских и зарубежных научных исследованиях отмечается, что такой пересмотр после исчерпания ординарных и некоторых экстраординарных средств правовой защиты выступает одним из наиболее эффективных механизмов, обеспечивающих восстановление прав лиц, пострадавших от государственного произвола (*restitution in integrum*), путем отмены или изменения судебных решений, вынесение которых сопровождалось нарушением положений Конвенции и Протоколов к ней¹.

Вопрос о необходимости и целесообразности пересмотра вступивших в законную силу судебных актов решается здесь на стыке согласования двух форм судебного усмотрения. Речь идет, во-первых, об усмотрении со стороны ЕСПЧ, который определяет тип нарушения Конвенции и Протоколов к ней, а также может рекомендовать пересмотр дела как наиболее подходящую форму восстановления прав заявителя на национальном уровне; во-вторых, об усмотрении Президиума Верховного Суда РФ при интерпретации значения правовых позиций ЕСПЧ, выраженных в конкретном постановлении, и определении причинно-следственной связи между выявленным нарушением конвенционных положений и законностью судебных решений, определивших правовой статус заявителя. Иными словами, национальный судебный орган, следуя концеп-

¹ См.: Апостолова Н. Н. Приемлемость и исполнение решений Европейского Суда по правам человека // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 64—67; Leach P. Beyond the bug river — a new dawn for redress before the European Court of Human Rights? // European Human Rights Law Review. 2005. № 2. P. 148—164.

ции «margin of appreciation», обладает определенной свободой усмотрения в истолковании смысла постановления ЕСПЧ, его правовых последствий, а также способов исполнения. Степень свободы подобного истолкования, исходя из практики самого ЕСПЧ, определяется характером и содержанием формулировок того постановления ЕСПЧ, в связи с которым возникает вопрос о возобновлении производства по делу в национальной юрисдикции, а также степенью выраженности европейского консенсуса, достигнутого среди государств Совета Европы по тому или иному вопросу правового регулирования.

Для разрешения вопроса о необходимости возобновления производства и пересмотра решений по уголовным делам в связи с данной категорией новых обстоятельств в законодательстве большинства европейских государств используется сходная в своих общих чертах правовая конструкция. Основу этой конструкции составляет допущение, что не любое, а лишь наиболее существенное нарушение процедуры судопроизводства или законных интересов его участника может находиться в причинно-следственной связи с качеством итогового процессуального решения по существу уголовного дела. Точка зрения самого ЕСПЧ по этим вопросам с наибольшей полнотой раскрыта в тексте постановления Большой Палаты по делу «Moreira Ferreira против Португалии (по. 2)» от 11.07.2017. Предыстория дела заключалась в осуждении заявителя национальным судом Португалии за угрозу применения насилия в ходе уличной драки. Несмотря на поданное заявителем ходатайство о своем личном участии в апелляционном пересмотре дела, суд второй инстанции провел слушания в отсутствие заявителя и отклонил все его доводы о несогласии с приговором. Заявитель обратился в ЕСПЧ с жалобой на нарушение его прав, предусмотренных п. 1 ст. 6 Конвенции, связанных с эффективным участием в судебном разбирательстве. ЕСПЧ, удовлетворяя жалобу заявителя, указал, что помимо выплаты справедливой компенсации наилучшим способом восстановления прав заявителя является пересмотр национального судебного решения. Вместе с тем Верховный Суд Португалии отклонил ходатайство о пересмотре вступивших в законную силу судебных актов.

В основу своей позиции о недопустимости такого пересмотра Верховный Суд Португалии, сославшись на положения Рекомендации Коми-

тета Министров Совета Европы № R (2000) 2, указал на то, что пересмотр окончательных судебных решений возможен либо в ситуации, когда ЕСПЧ прямо указал в своем постановлении, что решение национального суда противоречит Конвенции, либо когда национальные суды допустили настолько серьезные нарушения процедуры судопроизводства, которые ставят под сомнение законность вынесенного решения. По мнению Верховного Суда Португалии, в данном деле денежная компенсация явилась адекватным средством восстановления прав заявителя, тогда как ничто из решения ЕСПЧ не указывало на несправедливый характер итогового решения по делу. В такой ситуации заявитель подал новую жалобу в ЕСПЧ на нарушение ее прав по ст. 6 Конвенции в связи с решением Верховного Суда Португалии, который отказал в пересмотре итогового решения по его делу, дав свою ограничительную интерпретацию правовых последствий решения ЕСПЧ.

В постановлении Большой Палаты по результатам рассмотрения данной жалобы отмечено, что Конвенция не гарантирует права на пересмотр национальных судебных решений, оставляя вопрос о способах исполнения постановления ЕСПЧ в пределах усмотрения национальных властей, решение которых должно отвечать стандарту мотивированности. Наличие в тексте решения ЕСПЧ указания на то, что пересмотр окончательного судебного решения, вынесенного в национальной юрисдикции, является «в принципе наилучшим способом исправления допущенного нарушения», не означает, что пересмотр является единственным и строго необходимым способом исправления такого нарушения. Высшие национальные суды обладают известной свободой интерпретации выводов ЕСПЧ в части оценки наличия причинно-следственной связи между выявленным нарушением и законностью оспариваемого национального судебного акта.

В своем особом мнении к данному постановлению Большой Палаты судья ЕСПЧ от Португалии Пинто де Альбукерке приводит краткую хронологию развития правовых позиций ЕСПЧ относительно «условия о пересмотре» («retrial clause») как средства восстановления интересов заявителя. Отмечается, что впервые данное условие реализации постановлений ЕСПЧ сформировалось в контексте рассмотрения дел о нарушении принципа беспристрастности судами национальной безопасности в Турции. На фоне этих дел условие об импе-

ративности пересмотра дела в национальной юрисдикции получило название «Gençel clause». Сходный подход был применен при рассмотрении дела против Италии («Somogyi v. Italy», no. 67972/01), в котором нарушение ст. 6 Конвенции состояло в нарушении права подсудимого участвовать в судебном заседании.

В постановлении Большой Палаты по делу «Öcalan против Турции» от 12.05.2005 ЕСПЧ резюмировал накопившиеся на тот момент правовые позиции по вопросу о пересмотре дела в национальной юрисдикции, отметив, что такой пересмотр является в принципе наилучшим способом исполнения постановления ЕСПЧ в ситуации, связанной с нарушением принципа независимости и беспристрастности суда. При этом ЕСПЧ дополнил свой подход тем, что применение конкретных мер по исполнению решения суда должно определяться обстоятельствами конкретного дела и соответствовать выводам решения ЕСПЧ. В ходе дальнейшего развития практики ЕСПЧ «условие о пересмотре» стало включаться ЕСПЧ в решения, констатирующие нарушение отдельных аспектов ст. 6 Конвенции: право подсудимого участвовать в судебном заседании, право допрашивать свидетелей, показывающих против подсудимого, по делам о полицейской провокации, в случае нарушения права подсудимого иметь достаточные время и возможности для подготовки своей защиты и т.д.

В своем особом мнении по делу «Moreira Ferreira против Португалии (no. 2)» от 11.07.2017 судья Пинто де Альбукерке рассуждает о том, что чересчур строгий подход к вопросу о критериях для пересмотра национальных судебных решений в связи с постановлением ЕСПЧ противоречит нормам международного права и самой логике экстраординарных производств. В частности, речь идет о таком критерии для пересмотра решений, как являющийся характер неблагоприятных последствий, которые заявитель должен испытывать на момент рассмотрения дела в ЕСПЧ и на последующих этапах, вплоть до разрешения вопроса о пересмотре дела в национальной юрисдикции. Судья отмечает, что во многих европейских государствах возбуждение экстраординарной процедуры пересмотра окончательных судебных решений допустимо даже после отбытия осужденным наказания или его смерти, что

выходит за пределы действия критерия «длящегося характера нарушения». По пути закрепления длящегося характера нарушения как одного из обязательных критериев пересмотра дела по новым обстоятельствам пошли такие страны, как Россия, Бельгия, Франция, Румыния, Сан Марино, Словакия, Испания, Швеция. Другие страны воплотили иной подход, при котором пересмотр дела вне зависимости от длящегося характера последствий нарушения Конвенции может быть обусловлен тем, что судебное решение основано на допущенном нарушении (Босния и Герцеговина, Германия, Черногория), либо лишь предположении, что повторное рассмотрение дела может привести к иному результату (Норвегия).

После отказа одного из региональных судов ФРГ пересматривать уголовное дело в связи с вынесением постановления ЕСПЧ по делу «Görgülü против Германии» от 26.05.2004 Федеральный конституционный суд ФРГ вынес решение, в котором подчеркнул необходимость учета решений ЕСПЧ в случае, когда они требуют пересмотра национальных судебных решений².

В итоге постановлением Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Moreira Ferreira против Португалии (no. 2)» отказано в удовлетворении жалобы заявителя на несправедливость процедуры рассмотрения вопроса о пересмотре национальных судебных решений, однако вопрос о пределах свободы истолкования национальными судами правовых последствий решения ЕСПЧ в контексте «условия о пересмотре» остается остро дискуссионным.

Очевидно, что национальный суд в такой ситуации не вправе изменять содержание выводов решения ЕСПЧ, искажая их буквальную формулировку, а также должен приводить достаточные аргументы в пользу недопустимости пересмотра решений в ситуации, когда ЕСПЧ признал такой пересмотр наилучшим способом восстановления прав заявителя.

Рассмотрим особенности и проблемные аспекты функционирования российской модели пересмотра окончательных судебных решений по уголовным делам после вступления в силу связанных с ними постановлений ЕСПЧ, констатирующих нарушение прав заявителя. Согласно ч. 4 ст. 413 УПК РФ такие нарушения отнесены к категории новых обстоятельств,

² Bundesverfassungsgericht, Case 2 BvR 1481/04, decision of 14 Oct. 2004 (C.II.2), para. 67 // URL: www.bundesverfassungsgericht.de.

представляющих собой разновидность судебной ошибки в применении права, которая может состоять как в применении национального закона, противоречащего нормам Конвенции, так и в любом ином нарушении конвенционных прав заинтересованного лица. Являясь правовой конструкцией *sui generis*, данная разновидность юридических фактов не вполне соответствует дефиниции «новых обстоятельств», под которыми в п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ понимаются обстоятельства, не известные суду на момент вынесения решения, исключающие преступность и наказуемость деяния³. Согласно известному правовому принципу «*iura novit curia*» (суд знает право) ошибка в применении конвенционных норм не может объясняться неведением суда, призванного, согласно принципу субсидиарности международно-правовой защиты, своевременно применить конвенционную норму в национальной судебной практике. Справедливости ради надо все-таки заметить, что подобный аргумент о неведении национального суда может быть уместен в ситуации неожиданного изменения подходов ЕСПЧ к оценке той или иной ситуации в контексте его эволютивной практики, к чему может быть не готов национальный правоприменитель. Одной из причин непредсказуемости таких изменений может стать смещение акцентов в европейском консенсусе по тому или иному вопросу (когда количественные изменения в законодательствах стран — участниц Конвенции приводят к качественно новому стандарту правового регулирования некоторых отношений, что учитывается ЕСПЧ).

Концептуальные основы данного способа исполнения решений ЕСПЧ определены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21, которое содержит положение о том, что правовые позиции ЕСПЧ, содержащиеся в его окончательных постановлениях в отношении России, являются обязательными для судов. Применительно к вопросу о степени обязательности пересмотра национальных судебных решений в связи с констатацией

ЕСПЧ нарушения российскими властями конвенционных норм строгость отмеченного положения несколько ослаблена за счет закрепления системы условий, допускающих такой пересмотр: 1) если заявитель продолжает испытывать неблагоприятные последствия спорного судебного акта (*критерий темпоральности*); 2) если предоставленные заявителю иные средства восстановления его прав, не связанные с пересмотром национальных судебных решений (в том числе выплаченная ему на основании постановления ЕСПЧ справедливая компенсация), не обеспечивают восстановления его прав и свобод (*критерий исключительности*).

Наряду с отмеченными условиями Пленум Верховного Суда РФ рекомендует осуществлять пересмотр вступивших в силу национальных судебных актов при наличии хотя бы одного из двух обязательных последствий нарушения конвенционных прав заявителя: 1) решение российского суда противоречит Конвенции по существу (*критерий существенности*); 2) нарушение носит процессуальный характер и ставит под сомнение результаты рассмотрения дела (*критерий каузальности*).

Данные критерии пересмотра окончательных судебных решений в российской юрисдикции можно назвать содержательными. К формальным же критериям пересмотра окончательных судебных актов можно отнести:

- вступление в силу постановления ЕСПЧ в отношении России, констатирующего нарушение прав заявителя, допущенного в ходе уголовного судопроизводства;
- отсутствие сведений об инициировании уполномоченными субъектами процедуры признания Конституционным Судом РФ постановления ЕСПЧ, в связи с которым поднимается вопрос о возобновлении производства по делу, неисполнимым⁴;
- внесение Председателем Верховного Суда РФ, согласно ч. 5 ст. 415 УПК РФ, представления в Президиум Верховного Суда РФ на предмет возобновления производства

³ См. подробнее: *Воскобитова М. Р.* Restitutio in integrum : препятствия на пути у заявителя, выигравшего в Европейском Суде по правам человека // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 5. С. 143—145; *Михеенкова М. А.* Актуальные проблемы пересмотра судебных постановлений по уголовным делам по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в свете расширения круга его оснований // Закон. 2015. № 11. С. 148—156.

⁴ См. подробнее: *Лихачев М. А.* Место решений Европейского Суда по правам человека в контексте постановлений Конституционного Суда РФ 2013 и 2015 гг. и последующих законодательных изменений // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 46—58.

по уголовному делу в связи с вынесением ЕСПЧ соответствующего постановления.

Как показывают результаты анализа российской судебной практики за несколько последних лет наибольшей дискуссионностью отличается применение Президиумом Верховного Суда РФ именно содержательных критериев допустимости пересмотра судебных решений. Наиболее строгим представляется применение критерия степени влияния выявленного ЕСПЧ нарушения на законность обвинительного приговора суда (*критерий каузальности*). Очевидно, что такое положение дел объясняется как сдерживающим действием принципа *res judicata*, так и самой природой итогового процессуального решения по делу, которое является кумулятивным результатом всей совокупности промежуточных судебных действий и решений суда разной степени значимости, из которых последующие могут нейтрализовать значение предыдущих (например, неправомерное удаление подсудимого из зала суда может быть нейтрализовано путем возобновления его личного участия в процессе с предоставлением возможности повторного исследования представленных в его отсутствие доказательств). В отношении промежуточных судебных решений критерий содержательной связи применяется более предсказуемо. Так, абсолютное большинство судебных решений о продлении сроков содержания под стражей отменяется Президиумом Верховного Суда РФ после возобновления производства по делу на основании постановлений ЕСПЧ, констатирующих нарушение п. 3, 4 ст. 5 Конвенции, содержащей гарантии против произвольного и необоснованно длительного предварительного содержания под стражей⁵.

Оправдать необходимость пересмотра итогового судебного решения может только вывод

ЕСПЧ о нарушении требований ст. 6 Конвенции, закрепляющей требования справедливости судебного разбирательства. Согласно методологии рассмотрения жалоб самим ЕСПЧ обнаруженные им факты отдельных нарушений конвенционных прав заявителя проходят тест на соответствие требованию «overall fairness of a trial», т.е. общей справедливости судебного разбирательства, включающей компенсаторный эффект апелляционной процедуры.

Лишь при условии признания того, что все доступные средства правовой защиты оказались неэффективны и нарушение детерминировало значимые выводы суда в окончательном решении, ЕСПЧ признает общую справедливость судебного разбирательства нарушенной и зачастую рекомендует национальному правоприменителю пересмотреть дело повторно⁶. Как отмечалось выше, значение данных выводов ЕСПЧ отнюдь не предопределяет пересмотр дела, сохраняя за Президиумом Верховного Суда РФ определенную дискрецию в оценке актуального положения заявителя, а также справедливости ранее принятого в отношении него итогового решения.

Анализ российской судебной практики позволяет выделить категории дел, по которым данный критерий применяется более предсказуемо и, как правило, влечет за собой отмену вступившего в силу приговора с направлением дела на пересмотр. Речь идет о следующих типах процедурных нарушений: необеспечение присутствия заявителя в суде первой и (или) второй инстанции⁷; осуждение за преступление, спровоцированное сотрудниками полиции⁸; вынесение приговора незаконным составом суда⁹; обоснование приговора наказаниями и заявлениями подозреваемого, данными в отсутствие защитника¹⁰; обоснование

⁵ Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 31.01.2018 № 273П17 ; от 31.01.2018 № 272П17 ; от 31.01.2018 № 263П17 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ В российской судебной практике встречаются случаи отказа в пересмотре дела по новым обстоятельствам со ссылками на то, что вопреки отдельным нарушениям общая справедливость разбирательства дела по оценкам самого ЕСПЧ нарушена не была. См., например: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23.01.2014 № 310-П13 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 06.09.2017 № 112П17 ; от 26.12.2012 № 183-П12 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 31.05.2017 ; от 26.04.2017 № 59П17 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12.04.2017 № 18-П17 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 19.10.2016 № 88-П16 ; от 13.04.2016 № 23-П16 // СПС «КонсультантПлюс».

приговора оглашенными показаниями неявившихся в суд свидетелей обвинения¹¹.

В других делах Президиум Верховного Суда РФ, воспроизводя формулировку постановления ЕСПЧ в части описания допущенного нарушения, приходит к выводу об отсутствии оснований для отмены приговора из-за несущественности нарушения. Например, это касается дел, связанных с нарушением разумного срока уголовного судопроизводства¹².

Наконец, существует третья категория дел, при рассмотрении которых Президиум Верховного Суда РФ допускает перефразировку правовых позиций ЕСПЧ, во многом нуллифицируя их содержание и правовосстановительный эффект. Такова судьба постановления ЕСПЧ по делу «Турьев (Turyev) против Российской Федерации» от 11.10.2016. В тексте указанного постановления ЕСПЧ отметил, что комментарии прокурора в СМИ по поводу виновности заявителя нарушили право последнего на презумпцию невиновности, так как эти комментарии предрешили оценку фактов компетентным судебным органом в приговоре. Рассматривая вопрос о возобновлении производства по данному делу, Президиум Верховного Суда РФ указал, что соответствующее суждение прокурора в СМИ «не может рассцениваться в качестве обстоятельства, повлиявшего на объективность и беспристрастность суда при оценке доказательств»¹³. Здесь можно понять и логику решения ЕСПЧ, основанную на принципе эффективности конвенционной защиты, и подход Верховного Суда РФ, основанный на принципе *res judicata* и каузальном критерии причинно-следственной связи между конвенционным нарушением и весомостью его последствий (иначе любое высказывание прокурора в СМИ о виновности обвиняемого будет априори приводить к недействительности предстоящего судебного разбирательства). Тем не менее едва ли можно признать удовлетворительным такое положение, при котором Верховному Суду РФ приходится искажать текстуальное содержание правовых позиций ЕСПЧ. В практике встречаются и более серьез-

ные примеры нуллификации правовых позиций ЕСПЧ.

Рассматривая необходимость пересмотра приговора после вынесения ЕСПЧ постановления по делу «Пичугин против России» от 23.10.2012, Верховный Суд РФ отметил, что выявленные нарушения прав заявителя по ст. 6 Конвенции «не являются существенными и не привели к тому, что приговор и кассационное определение утратили свойства законности, обоснованности и мотивированности». Более того, Президиум Верховного Суда РФ в противоречие с выводами ЕСПЧ отметил, что показания ключевого свидетеля в той части, в которой его допрос был ограничен для стороны защиты, не имели отношения к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, либо не соответствовали особенностям производства в суде с участием присяжных заседателей¹⁴. В этом месте Верховный Суд РФ утвердил примат своей трактовки особенностей национальной судебной процедуры над оценкой этих особенностей со стороны ЕСПЧ, чем нуллифицировал его правовую позицию, которая предполагала среди прочего необходимость восстановления права осужденного на допрос показывающего против него ключевого свидетеля обвинения по тем фактам, которые признаны ЕСПЧ относимыми к предмету судебного разбирательства (вопросы о причинах изменения свидетелем своих показаний и о фактах привлечения свидетеля к уголовной ответственности).

Похожий пример нуллификации представляет собой постановление Президиума Верховного Суда РФ, в котором после цитирования постановления ЕСПЧ в части ссылок на решающее значение показаний свидетеля, которого подсудимый не имел возможности допросить, высшая российская судебная инстанция приходит к собственному выводу о том, что приговор суда не был основан на показаниях данного свидетеля, что свидетельствует о его законности¹⁵.

Нельзя признать состоятельной и попытку исполнить постановление ЕСПЧ по делу «Артемов (Artemov) против России» от 03.04.2014, в рамках которого ЕСПЧ пришел к выводу

¹¹ Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 30.03.2011 № 373-П10 ; от 02.04.2014 № 9-П14 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 01.11.2017 № 185П17 ; от 14.12.2016 № 166-П1 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 17.05.2017 № 71П17 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23.10.2013 № 141-П13С // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20.01.2010 № 255-П09 // СПС «КонсультантПлюс».

о нарушении права осужденного на гласность судопроизводства. Согласно выводам ЕСПЧ ограничение присутствия публики в судебном процессе было мотивировано непроверенными доводами прокурора об угрозах в адрес потерпевшего, что свидетельствует о его произвольности. В противоречие с выводами ЕСПЧ Президиум Верховного Суда РФ в своем постановлении отметил, что рассмотрение уголовного дела в закрытом судебном заседании с целью обеспечения безопасности участников судопроизводства не нарушило справедливый баланс между интересами заявителя и необходимостью обеспечения надлежащего отправления правосудия. Выявленное ЕСПЧ нарушение ст. 6 Конвенции, по мнению Верховного Суда РФ, не является существенным и не влияет на законность приговора¹⁶.

Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что пространство для нуллификации правовых позиций ЕСПЧ возникает благодаря своеобразному «зазору» между компетенциями Верховного Суда РФ и ЕСПЧ. Последний, следуя логике конвенционного права, может сделать вывод лишь о том, что определенное нарушение положений Конвенции и Протоколов к ней привело к нарушению общей справедливости судебного разбирательства, не вдаваясь в оценку законности принятого по итогам такого разбирательства судебного решения. Верховный Суд РФ, заимствуя выводы ЕСПЧ относительно общей справедливости судебного разбирательства, сохраняет за собой монопольное право оценки правосудности вступившего в силу приговора. Как следует из упомянутого постановления по делу «Moreira Ferreira против Португалии (по. 2)» от 11.07.2017, национальные суды действительно вправе давать свою оценку правовым последствиям выявленных ЕСПЧ нарушений. Вместе с тем очевидно, что пределы национального судейского усмотрения при этом не распространяются столь далеко, чтобы исказить сами выводы ЕСПЧ, например, определяя значение решающих показаний свидетеля как показаний, на которых не основан приговор.

Причины описанного феномена нуллификации правовых позиций ЕСПЧ могут заключаться как в отсутствии качественных переводов решений ЕСПЧ на русский язык, так и в искаженном понимании отечественным правоприменителем сути доктрины «margin of

appreciation», предоставляющей ему известную свободу усмотрения при оценке применимых способов исполнения решений ЕСПЧ.

Обозначенные проблемы и риски позволяют выдвинуть несколько предложений, которые могли бы улучшить имплементационный климат для решений ЕСПЧ. Прежде всего следует внести изменения в законодательную регламентацию порядка рассмотрения Президиумом Верховного Суда РФ представлений о возобновлении производства по уголовному делу в связи с вынесением постановления ЕСПЧ, сделав эту процедуру состязательной. Важно обеспечить осужденному и его представителю возможность изложить свою позицию по вопросу интерпретации правовых последствий решения ЕСПЧ. Оптимальным было бы дополнение ч. 3 ст. 417 УПК РФ положением о том, что в порядке, предусмотренном 401.13 УПК РФ, рассматривается не только соответствующее заключение прокурора, но и представление Председателя Верховного Суда РФ, поданное им в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 415 УПК РФ. Важно, чтобы заинтересованные в пересмотре дела участники высказали свое мнение, убедились в адекватности перевода постановления ЕСПЧ, которым оперирует суд, довели до сведения суда информацию о своем текущем правовом статусе.

Также можно предложить отказаться от такого критерия для пересмотра судебных решений по новым обстоятельствам как длящийся характер негативных последствий от нарушений конвенционных прав осужденного. Как показал анализ практики, данный критерий практически не применяется Верховным Судом РФ, но сохраняет характер потенциальной препоны для исполнения постановлений ЕСПЧ. Остающихся трех содержательных критериев для пересмотра окончательных судебных решений вполне достаточно для обеспечения согласованного действия принципов уважения прав человека и *res judicata*.

Кроме того, на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ было бы правильно привести какие-то примеры тех ситуаций, когда пересмотр судебного решения по указанной категории новых обстоятельств является условием *sine qua non* обеспечения его правосудности (осуждение в результате полицейской провокации, а также при нарушении принципов беспристрастности и законного состава суда и т.п.).

¹⁶ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 24.12.2014 № 165-П14 // СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Апостолова Н. Н. Приемлемость и исполнение решений Европейского Суда по правам человека // Российская юстиция. — 2011. — № 11. — С. 64—67.
2. Воскобитова М. Р. Restitutio in integrum: препятствия на пути у заявителя, выигравшего в Европейском Суде по правам человека // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. — 2015. — № 5. — С. 143—145.
3. Лихачев М. А. Место решений Европейского Суда по правам человека в контексте постановлений Конституционного Суда РФ 2013 и 2015 гг. и последующих законодательных изменений // Российский юридический журнал. — 2016. — № 2. — С. 46 — 58.
4. Михеенкова М. А. Актуальные проблемы пересмотра судебных постановлений по уголовным делам по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в свете расширения круга его оснований // Закон. — 2015. — № 11. — С. 148—156.
5. Leach P. Beyond the bug river — a new dawn for redress before the European Court of Human Rights? // European Human Rights Law Abstract. — 2005. — № 2. — P. 148—164.

Материал поступил в редакцию 21 марта 2018 г.

DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN THE COURSE OF RESUMPTION OF CRIMINAL PROCEEDINGS UNDER NEW CIRCUMSTANCES: ENFORCEMENT MATTER

OSIPOV Artyom Leonidovich — PhD in Law, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
osipov1280@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article examines topical issues of execution of decisions of the European Court of Human Rights (ECtHR) in reviewing criminal cases under new circumstances. The author provides an overview of the procedural models of the given form of the final revision of judicial acts in foreign legal systems, as well as the author's classification of the terms of such a revision in the criminal procedure in the Russian Federation, highlighting the substantive and formal conditions of cancellation or modification of enforceable judicial decisions. The article examines the phenomenon of ECtHR legal positions as a special kind of new circumstances for revising the interim and final judicial decisions in the Russian jurisdiction. Based on the analysis of practice of the Supreme Court of the Russian Federation the author highlights the problem of effective implementation of ECtHR decisions in the review of cases under new circumstances, including the effect of "nullification of the legal position" of the ECtHR by the Russian courts. The reason for this phenomenon may lie in the lack of quality translations of ECtHR decisions, and a distorted understanding by the domestic enforcers of the essence of the "margin of appreciation" doctrine that allows them a certain freedom of discretion in the assessment of applicable methods of ECtHR decisions implementation. The author proposes changes into the law to improve procedural practice of the ECtHR decisions in the Russian criminal proceedings, including through introduction of provisions that provide the legal basis for stakeholder participation in the review procedure of the question on the necessity of the resentence by the Presidium of the Supreme Court.*

Keywords: *new circumstances, ECtHR, revision, final judicial decision, legal positions, nullification, fair trial, violation, criminal case, interpretation.*

REFERENCES

1. Apostolova N.N. *Priemlemost i ispolnenie resheniy evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [Acceptability and implementation of the decisions of the European Court of Human Rights]. *Rossiyskaya Yustitsiya* [Russian Justitia]. 2011. No.11. Pp. 64—67.
2. Voskobitova M.R. *Restitutio in integrum: prepyatstviya na puti u zayavitelya vyigravshego v evropeyskom sude po pravam cheloveka* [Restitutio in integrum: obstacles to the applicant winning in the European Court of Human Rights]. *Byulleten evropeyskogo suda po pravam cheloveka. rossiyskoe izdanie* [Bulletin of the European court of human rights. Russian edition]. 2015. No. 5. Pp. 143 - 145.
3. Likhachev M.A. *Mesto resheniy evropeyskogo suda po pravam cheloveka v kontekste postanovleniy konstitutsionnogo suda RF 2013 i 2015 gg. i posleduyushchikh zakonodatelnykh izmeneniy* [The place of the decisions of the European Court of Human Rights in the context of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2013 and 2015 and subsequent legislative changes]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Juridical Journal]. 2016. No. 2. Pp. 46 - 58.
4. Mikheenkova M.A. *Aktualnye problemy peresmotra sudebnykh postanovleniy po ugovnym delam po novym ili vnov otkryvshimsya obstoyatelstvam v svete rasshireniya kruga ego osnovaniy* [Topical problems of the revision of judicial decisions in criminal cases due to new or newly discovered circumstances in light of widening its basis]. *Zakon* [Law]. 2015. No. 11. Pp. 148—156.
5. Philip Leach. "Beyond the bug river – a new dawn for redress before the European Court of Human Rights?" *European Human Rights Law Review*. 2005. No. 2. Pp. 148—164.